

НЕКОТОРЫЕ ОТРАЖЕНИЯ БИБЛЕЙСКОЙ КНИГИ ИОНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена некоторым обработкам библейской книги пророка Ионы, вероятно, первого произведения мировой литературы, утверждающего идею безграничности милосердия Бога и всеисильности покаяния. Обработки этого ветхозаветного текста в русской литературе рассматриваются в контексте литературы всемирной. В ряду авторов, использовавших сюжет или отдельные мотивы Книги, – И. А. Бунин, Саша Черный, А. Ким, а также многие русские поэты.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, христианство и литература, русская проза, русская поэзия.

Одним из архетипических мифов русского сознания, вросших в самую толщу отечественной культуры, является миф о покаянии и спасении великого грешника [1]. Но не следует забывать, что общечеловеческий по своему смыслу, этот миф имел христианские корни, и первым его воплощением в мировой литературе стала, вероятно, ветхозаветная книга пророка Ионы.

Маленький шедевр древнееврейской прозы, Книга Ионы по традиции входит в число двенадцати книг малых пророков, но резко отличается от других произведений этой группы. Библейские пророческие книги, как правило, представляют собой вдохновенные свыше пламенные, но бессюжетные поэтические тексты, полные грозных или утопических видений о судьбе Избранного Народа, его врагов и даже человечества в целом. Эти тексты традиционно и не без основания приписываются реально существовавшим лицам древнееврейской истории. Одиноким голос библейского пророка воспринимается прежде всего как «голос нравственного сознания» [2, с. 285], ибо с момента призвания его Богом пророк всем своим моральным обликом противостоит миру язычников и вероотступников, к которому обращены его пламенные речи.

Иначе в Книге Ионы. В жанровом отношении это произведение представляет собой новеллу-притчу, в которой С. С. Аверинцев считал необходимым отметить «необычное сочетание большой серьезности с гротескным юмором» [2, с. 297]. В основе новеллы лежит древний сказочно-мифологический сюжет о путешествии человека в царство смерти и его благополучном возвращении оттуда, воплощенный в архаической форме проглатывания – выплевывания героя чудовищем [3]. Хотя основное событие Книги – всеобщее покаяние жителей ассирийского города Ниневии – находит некоторое подтверждение в материалах библейской археологии [4, с. 555], оно явно отделено от повествователя дистанцией времени и как бы окутано сказочной дымкой. На это указывают отсутствие точных временных ориентиров, имеющих в большинстве пророческих книг, и по-сказочному гиперболичная, замешенная на троичности условность размеров и расстояний. Можно заметить также, что

создатель Книги имел смутное представление о месте ее действия (едва ли человек, побывавший в Месопотамии, назвал бы «знойным» восточный ветер). Иона лишь однажды упомянут в Библии как один из пророков времени царя Иеровоама II (VIII в. до н. э.) в 14-й главе Четвертой книги Царств. Но Иона – герой прикрепленной к его имени книги высокому званию пророка мало соответствует. Достаточно сказать, что на традиционное для зачина пророческой книги обращение к нему Бога он отвечает непослушанием и бегством. Впрочем, как уже отмечали исследователи, внутри текста Книги Иона пророком не называется. И это понятно, ведь ее содержание – рассказ именно о *несбывшемся* пророчестве. Последнее обстоятельство также выделяет Книгу Ионы из всего корпуса библейских пророческих книг.

Это небольшое произведение обладает необыкновенной емкостью содержания, не лишенной подчас и некоторой загадочности. Так, целый спектр объяснений вызвало у читателей разных времен необычное поведение героя в начале повествования. Сам Иона объяснял свое непослушание и бегство собственной прозорливостью и нежеланием оказаться в положении лжепророка, но это явно не единственное из возможных объяснений. В их числе называли отвращение этого правоверного иудея к враждебному языческому городу и нежелание участвовать в его спасении, моральную или психологическую неготовность персонажа взять на себя тяготы пророческого служения (появился даже специальный термин, предложенный А. Маслоу, – «комплекс Ионы»), наконец, простой житейский страх перед опасностями предстоящего ему путешествия. Отдельного замечания заслуживает наивная попытка незадачливого пророка бежать «от лица Господа» в финикийский город Фарсис, на далекую западную окраину ближневосточной ойкумены. Во-первых, сам факт бегства говорит о примитивности представлений Ионы о возможностях Призвавшего его (точно могущество библейского Бога может быть ограничено конкретной территорией!). Одновременно направление этого бегства показывает, что ослушавшийся Бога герой подсознательно ощущает гибельность сделанного им выбора (в древнееврейском сознании загробный мир распола-

гался именно на Западе). Поэтому мертвый сон Ионы в трюме терпящего крушение корабля воспринимается как символическое выражение смерти его отпавшей от Бога души.

Сквозная тема Книги – утверждение всеисильности покаяния и безграничности Божьего милосердия. Эта тема варьируется на протяжении повествования четырехжды. В первой главе милосердное могущество библейского Бога осознают спасенные Им от бури финикийские корабельщики и пассажиры корабля, на котором плыл Иона (так переосмыслен архаический мотив усмирения бури с помощью человеческого жертвоприношения [5]). Сходное изменение претерпевает и уже упоминавшийся сюжет о проглатывании героя чудовищем, реализованный во второй главе Книги. Если герои сказок и мифов спасались, победив проглотившее их чудовище силой или хитростью, то Иона возвращен на сушу милосердным велением Бога, внявшего его покаянной молитве «из чрева преисподней». Третья глава изображает всеобщее покаяние ниневитян, в результате которого Бог отменяет предсказанную Его посланником кару. Наконец, четвертая глава Книги подводит итог всего повествования в объяснении Создателя с Ионой, ибо строптивый пророк остался недоволен результатом своей миссии. Его не вразумил даже собственный горестный опыт отпадения от Бога, спасению же целого города он кровожадно предпочитает устрашающее величие предсказанной им Божьей кары. Более же всего его терзают профессиональные амбиции и ложное положение, в котором он оказался. Новая молитва Ионы исполнена дерзновенного ропота на непонятное ему милосердие Бога, и просьба о смерти ее завершает. С детским упрямством надеясь настоять на своем, пророк уходит из Ниневии и за пределами ее продолжает ожидать исполнения своего предсказания. Но Бог снова являет себя мудрым и терпеливым Отцом неразумного в своей гордыне человека. Для вразумления своего недоброго и эгоистичного избранника Он являет последнее чудо. Рождение и гибель внезапно возросшего в пустыне растения, в тени которого пророк находил уют и прохладу, заставляют Иону прочувствовать ценность каждой сотворенной Богом жизни. «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правую руку от левой, и множество скота?» – восклицает Господь, и этой сентенцией, проникнутой мягким юмором и любовью ко всему живому, новелла-притча изящно завершается.

Текст Книги Ионы богат игрой с многозначностью слов и выражений. Например, значение имени пророка («Иона» – по-древнееврейски «голубь») явно контрастирует с его тяжелым характером. Загадочны упомянутые в последней фразе Книги «сто двадцать тысяч человек». Кто они? Неразумные младенцы (такое понимание увеличивает население Ниневии чуть ли не до миллиона) или люди вообще, не умеющие

различать добро и зло? Думается, что допустимы оба толкования сразу, учитывая инфантильность поведение пророка и столь очевидно явленное мудрое отцовское терпение его Создателя.

Таким образом, на страницах Книги Ионы Бог изображается как терпеливый и любящий Отец всего живого и всех народов Земли, радеющий о каждом своем создании. Сыновним послушанием отвечают Ему природные стихии, животные и растения, к Нему безотчетно устремлены сердца даже закоренелых язычников, и хотя человек может упорствовать в своем эгоизме и гордыне, но Бог не забывает даже о самом отверженном из Его творений и всегда готов откликнуться на его призыв. Милосердие и Справедливость издавна считались обязательными атрибутами библейского Бога, и Иона помнит об этом, однако автор Книги устами своего героя сталкивает неотъемлемые качества Божественной Сущности в непримиримом противоречии. Сердце Ионы, правоверного иудея, закосневшего в гордом сознании своей национальной исключительности, еще не готово вместить в себя всеобъемлющее величие Божественной Любви, и о милосердии Бога он вспоминает в своих упреках Ему не без горечи. В ответ устами самого Создателя автор Книги Ионы дает своему герою, а в его лице и всем своим соплеменникам урок углубленного богопознания. Бесстрашно обнажив антиномичность неоспоримых атрибутов Творца, он впервые в истории христианской литературы провозглашает идею превосходства Милосердия над Справедливостью. Таким образом, Книга Ионы подготавливала почву, на которую через несколько столетий пало и проросло зерно Благой Вести Иисуса, давшее надежду на спасение грешному человечеству.

Содержание Книги допускает несколько уровней его истолкования. Это, во-первых, история конкретного человека, некогда попытавшегося уклониться от божественного предначертания его судьбы, пережившего трагедию отпадения от Бога и вновь воссоединившегося с Ним. Во-вторых, история незадачливого древнееврейского пророка – возможный наглядный урок всему Избранному Народу, в своей гордыне забывшему, что Избранность не только дает ему привилегии перед остальными народами Земли, но и влечет за собой неукоснительное соблюдение обязанности – своим примером вести к Богу человечество. (Об этом при открытии Иерусалимского храма говорил своим соплеменникам царь Соломон, была открыта эта истина и некоторым библейским пророкам.) В-третьих, очевидное моральное несовершенство Ионы, возможно, призвано показать, что Избранником Бога может стать каждый из людей. Таким образом, история этого пророка может применяться и в качестве универсальной парадигмы взаимоотношений человека с его Создателем.

Некоторые из возможных уроков, извлеченные мировой культурой из этой маленькой новеллы-притчи, и будут рассмотрены нами в дальнейшем.

Как было сказано ранее, Книга Ионы включена в ветхозаветный канон, равно почитаемый всеми тремя авраамическими религиями. Чтение Книги правверные иудеи до сих пор слышат в синагогах в день Раскаяния (Йом-Кипур). Однако общечеловеческий смысл библейской новеллы-притчи остается при этом в тени, поскольку покаяние язычников-ниневитян и милосердие к ним Бога иудейскими богословами объявляется лишь наглядным уроком для Избранного Народа. С дистанции исторического времени обнаружилось, что несбывшееся на страницах Книги пророчество все же было исполнено – ассирийская столица была разрушена, поэтому Иона занял законное место в галерее библейских пророков. Именно как традиционный пророк, предрекший падение могущества ассирийцев над Азией, изображен Иона в десятой книге «Иудейских древностей» еврейского историка Иосифа Флавия. Позднейшая агадическая традиция расцветила историю этого пророка сказочными подробностями [6, с. 128–1231]. Ее заглавный герой, послушавшийся Бога, чтобы избежать преследующей его ситуации несбывающегося пророчества, даже в чреве чудесной рыбы не теряет присутствия духа и сам способствует своему освобождению. Он хитростью обращает в бегство Левиафана, на съедение которому «его» рыба была создана Богом. В благодарность рыба не только открывает пророку тайны, скрытые от мира людей, но и подсказывает удачное время и место, когда молитва героя будет обязательно услышана Богом (как мы помним, автор Книги Ионы показал, что покаянная молитва будет услышана Господом везде и всегда). Отметим попутно, что в этом рассказе Иона в своей покаянной молитве снова хитрит, поскольку его обетом становится не пророчество перед ниनेвитянами, но поимка Левиафана. Чтобы исполнить этот обет, Иона должен был дожить до прихода Мессии, когда Левиафан и Бегемот станут угощением для праведников...

В христианской традиции трехдневное пребывание пророка Ионы в чреве кита считается ветхозаветным прообразом смерти, схождения в ад и воскресения Христа. Православие, причислившее ветхозаветных пророков и праведников к сонму своих святых, вспоминает Иону 22 сентября. На исходе Средневековья святитель Димитрий Ростовский создал для своего агиографического свода Житие пророка Ионы, позаимствовав недостающие подробности из Предания и всячески смягчив неблагоприятные черты характера своего героя.

Бытование истории пророка Ионы в художественном сознании Нового времени определялось несколькими обстоятельствами. С одной стороны, она не теряла своей актуальности в силу ее вечного и общечеловеческого смысла; с другой стороны, появлению новых обработок ее сюжета препятствовала его откровенно сказочная основа. Воздействие Книги на литературный процесс Нового времени осуществля-

лось преимущественно путем введения аллюзий и скрытой или явной цитации. Так, подобающее ей место заняла история пророка на страницах знаменитого «китологического романа» Г. Мелвилла «Моби Дик». В романе Э. Л. Войнич «Овод» мотивы Книги используются в ряду многочисленных библейских цитат и реминисценций для создания персонального боготорческого мифа, красной нитью проходящего через все творчество писательницы. Так, на могильной плите мнимо утонувшего Артура высекаются строки из молитвы Ионы, сам же он в споре с Монтанелли, которому в мифологической модели романа отводится роль Бога-Отца, ощущает себя Ионой, сознающим свою правоту перед Богом. В этом контексте в полном отрыве от идейного содержания первоисточника библейский пророк оказывается в ряду мифологических героев-боготорцев.

Примером скрытого использования мотивов Книги Ионы в русской литературе может служить маленький, тяготеющий к жанру притчи рассказ И. А. Бунина «Третьи петухи» (1916) [7, с. 150–151]. Вот его содержание. В глухой предутренний час разбойничий корабль тайно подходит к мирно спящему городу Синопу. В попрание божеских и человеческих законов морские разбойники убивают и грабят беззащитных горожан, после чего безнаказанно уходят в море. После буйного пира они засыпают мертвым сном, не оставив дозорных. Разгневанный их вероломством и жестокостью Бог посылает на море бурю, перед этим запретив всему живому предупреждать разбойников об опасности и тем самым обрекает их на верную гибель. Но «Фома Синопский, угодник морской» в нарушение Божьего приказа будит спящих «душегубов», способствуя тем самым их спасению. Призванный к ответу, он объясняет Богу свое непослушание «горькой нежностью» к злодеям, которых Божье веление лишило возможности услышать вновь крики «третьих петухов, в слезы любви и раскаяния некогда повергнувших Петра-апостола», и получает прощение от Бога.

Анализ бунинского текста обнаруживает, что, несмотря на, казалось бы, очевидную христианскую идею (провозглашение этического постулата любви человека к ближним, к числу которых Христос, как известно, относил и его врагов), в библейском контексте рассказа явно преобладают дохристианские элементы. Бог «Третьих петухов» – именно ветхозаветный Бог, который, например, напоминает послушнику Фоме о его кровных родичах, убитых во время разбойничьего нападения, чтобы пробудить в нем архаичное чувство родового долга, проявлением которого должна явиться кровная месть. Устрашающее величие божественного возмездия изображено в бунинской новелле с почти библейской мощью, заставляющей вспомнить Книгу Иова. Суровой этике талионе в этом тексте противостоит не только сострадание к заблудшим душам, но и утверждение сладости

и красоты земной жизни. Чувственный восторг перед самой возможностью человека жить на этой прекрасной земле звучит не только в ответе Фомы Богу, но и пронизывает весь этот небольшой текст от начала до конца. Центральная идея рассказа – благословение «земного рождения» – далека от христианского аскетического идеала, зато обнаруживает яркие параллели в ветхозаветных текстах, например, в рассказе о договоре Ноя с Богом после потопа. Утверждение любви Бога ко всему живому на Земле пронизывает, как было показано ранее, и Книгу пророка Ионы. На наш взгляд, этот библейский текст является одним из основных источников бунинского рассказа. При создании своего оригинального сюжета писатель использовал многие мотивы Книги Ионы. Упомянем в этой связи мотив морской бури как проявления божественного гнева, мотив мертвого сна боготступника в трюме корабля, символизирующий смерть отпавшей от Бога души, парные мотивы сознательного нарушения веления Бога и последующего объяснения с Ним нарушителя. В пользу нашего предположения о генезисе сюжета рассказа говорит и то, что в православном месяцеслове пророк Иона вспоминается в тот же день, что и мученик Фока, епископ Синопский, известный как спасатель тонущих в море людей и являющийся житийным прототипом бунинского святого Фомы.

Как целостный сюжет история пророка Ионы редко обрабатывалась во «взрослой» прозе. Среди многочисленных исключений «метароман» А. Кима «Остров Ионы» (2001). Может показаться, что пересказ истории незадачливого ветхозаветного пророка является лишь одной из многочисленных сюжетных линий этого эклектически пестрого и прихотливо запутанного романа [8]. Хотя молитва Ионы упоминается автором в качестве примера непоколебимой веры в Бога, мнимо реалистический, слегка ироничный пересказ его истории инкрустирован подлинными цитатами из Книги, а смыслом разыгранного Провидением действия в соответствии с христианской традицией объявляется победа над смертью, герои ветхозаветной притчи вовлекаются писателем в бесконечный круговорот метемпсихоза. Пользуясь тем, что в библейском первоисточнике спор заглавного героя с Создателем завершился божественной сентенцией и ответ Ионы остался неизвестным, подразумевалось лишь, что он был вразумлен Богом, А. Ким добавил неожиданное продолжение. Строптивный «местечковый пророк» был так разгневан гибелью милого его сердцу растения (в библейском тексте оно названо нигде более не встречающимся словом, и писатель заменил его трогательной камчатской березкой), что пожелал вернуться в свое прежнее положение, и его желание было исполнено. Это становится причиной гибели Серого Кита, ибо тот в силу анатомических особенностей проглотить Иону не мог и вынужден был сохранять своего непрошенного пассажира под язы-

ком. Это кроткое и богобоязненное животное безропотно умирает у берегов Камчатки, и освобожденный пророк поселяется у камчадалов, став прародителем Людей Кита, но ничуть не изменив своего строптивного, недоброго и лукавого нрава. В конце повествования герои романа встречают пророка на острове его имени в виде некоего пингвиноподобного существа. Чайка, в которой воплотились души трех любящих существ, освобождает Иону от терзавшего его червя, до которого он не мог дотянуться своими короткими ручками-ластами. В этом и состояла цель долгого пути героев романа на утопический остров Ионы, во время которого они, подобно библейскому пророку, познали страдания, раскаяние и мнимую смерть, чтобы воскреснуть в жизнь вечную...

Иной оказалась судьба этой библейской истории в литературе для детей. Ее сюжетную основу мы обнаруживаем, например, в одной из этиологических сказок Р. Кипплинга – «Почему у Кита такая глотка». Кроме того, занимательная назидательность «старой сказки» о пророке Ионе обеспечила ей законное место в сборниках библейских историй, адресованных детям. Наибольшее внимания в этом ряду заслуживает ее творческая обработка под названием «Праведник Иона» (1922, 1926), входящая в цикл «Библейские сказки» Саши Черного [9, с. 464–468]. Трансформация библейского материала в этом цикле, созданном пером прославленного сатирика и одновременно признанного мастера детской литературы, может стать темой отдельного исследования. Здесь же отметим лишь как общую тенденцию цикла христианизацию ветхозаветных сюжетов. В наиболее яркой форме эту тенденцию выразила обработка жестокого библейского рассказа о наказании детей, дразнивших пророка Елисея («Сказка о лысом пророке Елисе, о его медведице и о детях»). Неудивительно, что обработка Книги Ионы оказалась в этом цикле одной из самых удачных, ведь для утверждения идеи милосердия исходный библейский текст не надо было ни перелицовывать, ни дополнять. Близка Саше Черному была и любовь ко всему живому, пронизывающая обрабатываемый им библейский источник.

Языком доверительного рассказа писателю удается рассказать ребенку об очень серьезных и взрослых вещах, например о трудности пребывания доброго по природе человека в недобром мире и о его обязанностях перед этим миром. Показательно, что Иона, герой «библейской сказки», – не пророк, жизнь которого изначально отдана общественному служению, но «праведник», частное лицо, в своей личной жизни неукоснительно соблюдающее Закон и стремящееся «жить по Правде». Это не единственное отличие героя Саши Черного от его библейского предшественника. Ветхозаветный Иона, недобрый и эгоистичный, явно лишен сердечных привязанностей (даже его сожаление о погибшем растении отнюдь не бескорыстно). Кроткий старый Иона русского писателя

добр и любит все живое («во все дни свои цветка не растоптал»). Даже таинственный Фарсис оказывается в этом тексте не «вратами смерти», но просто далеким городом, где живут родственники Ионы, и прежде всего любимая им маленькая внучка. Именно желанием навестить близких прикрывает Иона свое «худое дело» – решение уклониться от участия во вразумлении грешников. Весь опыт жизни праведника в жестоком мире утвердил Иону в убеждении о неистребимой порочности человеческой природы. Посещают его и вольнодумные сомнения в эффективности перевоспитания человека Страхом Божьим. В этом не смогло убедить его даже покаяние целого города, слишком уж коротка у людей память – «Покаются – и потом еще пуще грешат». Но суровость Ионы, сетующего на излишнее долготерпение Бога, непоследовательна. Увидев выпавшего из гнезда ястребенка, старик возвращает его на место, хотя тот, повзрослев, станет хищной птицей (этот эпизод функционально соответствует чуду с растением). Поймав Иону на противоречии, Господь напоминает ему о детях, живущих в Ниневию, о возможном наличии там и хороших людей, наконец, о неограниченных возможностях человеческой души: «...человек – то змей, то голубь – как повернуть». Результатом доверительной беседы праведника с Богом становится принятие им мысли о том, «что мудрость жалости порой глубже мудрости гнева». Сюжет получает кольцевое завершение – в ладу с собой и миром Иона спешит к морю, где видит корабль и знакомых корабельщиков, которые теперь уже точно доставят старика к его любимой внучке.

Вскользь предположив автобиографичность урока, полученного Ионой, для самого автора этой «библейской сказки» (обоснование этого предположения – также отдельная тема), скажем немного о значении Книги Ионы для мировой поэзии. Волею ее автора с именем этого сварливого и амбициозного пророка навсегда остался связан один из самых проникновенных образцов высокой духовной поэзии. Отсюда естественное внимание, которое уделяли судьбе «собрата» поэты разных времен. В русской поэзии к этому ряду принадлежат К. Д. Бальмонт, М. А. Кузмин, В. И. Нарбут, И. А. Бродский [10, с. 41], и, если судить по материалам Интернета, древний пророк оказывается весьма популярным персонажем поэзии на-

ших дней. Разные грани судьбы Ионы в современной русской поэзии рассматривают наши соотечественники Олег Чухонцев, Павел Шавловский, Александр Гриценко, Юрий Воронин, Инна Лиснянская, а также живущий в Германии русскоязычный поэт, иудей по вероисповеданию Давид Гарбар и уроженка Украины поэтесса Надежда Дудка. Помимо нередких поэтических переложений и пересказов библейского сюжета хотелось бы отметить и более сложные случаи. Так, Инна Лиснянская в книге стихов «В пригороде Содомы» соединила историю пророка с библейским рассказом о Содоме и Гоморре, ибо именно в обреченный Содом приходит Иона, и лирическая героиня, как некогда праведный Лот ангелов, выпускает его в свой дом. Александр Гриценко в стихотворении «Пророк Иона и пожар Александрийской библиотеки» эпатажно переносит спасение пророка из чрева кита в эпоху завоевательных арабских походов, и, разумеется, встреча представителей двух культур, библейской и мусульманской, завершается для пророка трагически. В этом стихотворении явственно ощутим мотив панисламистской угрозы для мировой цивилизации. Наконец, в стихотворении Олега Чухонцева, которое было опубликовано в том же номере журнала «Новый мир», что и начало романа А. Кима, судьба строптивого пророка отчетливо сопрягается с раздумьями лирического героя о собственной жизни:

Не пугайся, Иона, впереди еще Спас,
Еще встанет растеньице за ночь и скукожится враз.
Так что плыть нам и плыть, дни и души мотая на ось,
На еврейский кадиш уповать и на русский авось [11, с. 9].

Как регулярную особенность поэтических обращений к Книге Ионы следует отметить гротескное соединение бытовых трагикомических ситуаций, изображенных в подчеркнуто сниженных просторечных выражениях, с глубоким философским смыслом, унаследованным современными авторами от библейского первоисточника.

Таким образом, мудрые гуманистические уроки библейской новеллы-притчи и спустя тысячелетия находят живой отклик в сердце человека, неизменно стремящегося к гармонизации своих отношений с окружающим миром и его Создателем.

Список литературы

1. Климова М.Н. «Миф о великом грешнике» в русской литературе (этапы эволюции и некоторые особенности бытования) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2003. Вып. 1 (33). С. 54–58.
2. Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 271–302.
3. Десницкий А. С. Книга пророка Ионы – старая сказка? // Мир Библии. 1997. Вып. 4. С. 58–63.
4. Иона // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1994.
5. Климова М. Н. Из истории «русских мифов» («Стенька Разин и персидская княжна») // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 223–233.
6. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. М., 1993. 320 с.
7. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1988.
8. Михайлова Г. Философский и религиозный эклектизм прозы Анатолия Кима (роман «Остров Ионы») // Literatura. 2007. 49 (2). С. 75–90.

9. Саша Черный. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М., 1996.
10. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск, 2003. Вып. 1.
11. Чухонцев О. Фифа // Новый мир. 2001. № 11.

Климова М. Н., кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник.

Научная библиотека ТГУ.

Пр. Ленина, 34 а, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: Klimova@lib.tsu.ru

Материал поступил в редакцию 24.05.2010

M. N. Klimova

SOME REFLECTIONS OF THE BIBLICAL BOOK OF JONAH IN RUSSIAN LITERATURE

The article is devoted to adaptations of the biblical Book of Jonah which is probably one of the first works of the world literature that proves the idea of infinity of God's mercy and omnipotence of penance. Adaptations of this Old Testament text in Russian literature is considered in the context of world literature. Among the authors who have used the plot and some motives of the Book are such as I. A. Bunin, Sasha Chorny, A. Kim, and many others Russian poets.

Key words: *Bible, Old Testament, Christianity and literature, Russian prose, Russian poetry*

Scientific Library of TSU.

Pr. Lenina, 34 a, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634050.

E-mail: Klimova@lib.tsu.ru